

В. А. Аракчеев*

**РУССКОЕ ОБЩЕСТВО НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ
ЭТАПЕ СМУТЫ И ЗАКРЕПОСТИТЕЛЬНЫЕ
МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА**

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ государства и общества в кризисные эпохи обладает спецификой, связанной с деформацией институтов власти и открытым неповиновением ее распоряжениям организованных социальных групп. Экстраординарная ситуация вынуждает государство предпринимать чрезвычайные меры, изобретать новые способы воздействия на неповинующихся подданных, не сообразуясь с результативностью этих мероприятий и способов.

Описанные тенденции проявились уже в 1610 г. во время переговоров русских делегаций с польским королем Сигизмундом III. Тогда, как показал Б. Н. Флоря, «целый ряд условий выработанного в ходе переговоров соглашения обеспечивал сохранение русским обществом под властью нового государя традиционных институтов»¹. К числу таких институтов принадлежал складывавшийся в Русском государстве в конце XVI – начале XVII в. крепостной порядок. И договор 4 февраля 1610 г. между тушинским посольством и поляками, и договор 18 августа 1610 г. предусматривали запрещение крестьянских переходов и сохранение зависимости холопов от своих господ². Столь же последовательными защитниками традиционных институтов были руководители Первого ополчения, приговор которого от 30 июня 1611 г. предписывал осуществлять сыск беглых: «А которые дворяне и дети боярские в нынешнее смутное время и в разоренье вывозили у своей же братьи у дворян и у детей боярских крестьян и людей, и которые у них выбежав, живут по городам по посадам, и про то по их челобитью сыскивать, а по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещикам»³.

Дезинтеграция государственных институтов во второй половине 1611–1612 г. не позволила реализовать на практике эти постановления, и лишь в 1613–1614 гг. началось восстановление крепостного порядка. В результате сопоставления сведений из трех документов исследователям удалось установить, что в 1613/14 г. были изданы первые после «нового разоренья» указы о сыске беглых. В них шла речь о возвращении служилым людям их беглых крестьян, живущих за Троице-Сергиевым монастырем менее 5 лет, а также более 5 лет, если на них своевременно были поданы явки, и о 9-летнем сроке сыска беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря⁴. Сами эти указы не сохранились; их содержание гипотетически реконструируется на основании царской грамоты на Белоозеро от февраля 1615 г., указа от 10 марта 1615 г. и справки из Патриаршего приказа 1638 г. Как справедливо подчеркнула Р. Б. Мюллер, «неясно... был ли один указ о беглых в

---

* *Аракчеев Владимир Анатольевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и музееведения Псковского государственного педагогического университета.

¹ *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция и русское общество. М., 2005. С. 372.

² АЗР. СПб., 1851. Т. 4. № 180; СГГД. М., 1813. Ч. 2. № 199. С. 394.

³ *Платонов С. Ф.* Социальный кризис смутного времени // Памятники социально-экономической истории России. Л., 1924. С. 54.

⁴ ЗАРГ. Тексты. Л., 1986. № 72. С. 83.

Троице-Сергиев монастырь и из него, или это были два разных указа, а также относился ли указ о пятилетних урочных годах только к крестьянам, бежавшим в Троице-Сергиев монастырь, или он имел более широкое применение; если был издан отдельный указ о пятилетних урочных годах, то как его следует датировать»⁵.

Неясность относительно реконструируемого указа вызвала дискуссию, начало которой положил А. А. Новосельский, утверждавший, что практика урочных лет возникла только при правительстве Романовых⁶. Г. Н. Анпилов считал, что указом 1613/14 г. не была введена девятилетняя давность сыска беглых на будущее время, а вводился нарастающий с годами срок с 30 сентября 1604, который к 1615 г. увеличился до 11 лет и возрастал вплоть до 1619 г.⁷ В. И. Корецкий сомневался в возможности осуществления бессрочного сыска на завершающем этапе Смуты, однако собственной концепции закрепостительных мероприятий 1613–1614 гг. не предложил⁸. Важной составной частью стоящей в данное время перед историками проблемы является исследование источников, синхронных предполагаемому времени издания указа 1613/14 г. Трудность здесь состоит в том, что до настоящего времени в научный оборот было введено лишь одно дело о сыске беглых, датированное декабрем 1614–1616 г.⁹

В данной статье впервые вводятся в научный оборот и исследуются дела о беглых, датированные апрелем – октябрем 1613 г. из фонда Оружейной палаты РГАДА. Их сопоставление с документами, упоминающими об указе 1613/14 г., дает возможность высказать более определенные суждения как о времени издания этого указа, так и о его содержании. В грамоте на Белоозеро и справке из Патриаршего приказа содержатся важнейшие детали, предметно характеризующие закрепостительную практику этого времени. Во-первых, беглых надлежало «сыскивати старожилыцы и окольными многими людьми, всякими сыски, накрепко, большим повальным обыском». Практика опроса обычных людей была известна еще в период реализации указов о заповедных летах¹⁰. Во-вторых, крестьян надлежало «вывозити в Троецкие вотчины с женами и с детьми и со всеми животы, и с хлебом стоячим и земляным, на старые их жеребьи, где кто наперед сего жил»¹¹. Ни в одном из известных указов о закрепощении конца XVI – начала XVII в., равно как и в делах о сыске беглых этого времени «старые жеребьи» как основание прикрепления крестьян не упоминались. Между тем, в делах о беглых 1613 г. из обозначенных принципов сыска применялся лишь первый, а именно, повальный обыск.

Переходим к их изложению и исследованию. В апреле 1613 г. князь А. В. Сицкий подал челобитную с просьбой вернуть крестьян, ушедших из его вотчины

⁵ ЗАРГ. Комментарий. Л., 1987. № 72. С. 121–123.

⁶ Новосельский А. А. К вопросу о значении урочных лет в первой половине XVII в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 183.

⁷ Анпилов Г. Н. К вопросу о законе 1592–1593 гг. и урочных летах в конце XVI – первой половине XVII в. // ИСССР. 1972. № 1. С. 171–173.

⁸ Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 341, 362; Он же. Закрепостительное законодательство после первой крестьянской войны в России // Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии: Тез. докл. М., 1980. С. 251–252.

⁹ Анпилов Г. Н. К вопросу о законе... С. 169.

¹⁰ Аракчеев В. А. Заповедные годы на Северо-Западе России: историография, источники, методы исследования // ОИ. 2004. № 3.

¹¹ ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. № 35. С. 64–66.

сельца Нефедово с деревнями в Медынском уезде. Двадцать крестьян, среди которых перечислены две вдовы, по словам князя, «живут в Калуге на посаде... и тех моих крестьянишек многих калужские посадские люди поворотили в посадское тягло, а моих доходишков те мои крестьянишка не платят». В царской грамоте калужскому воеводе А. В. Измайлову и дьяку И. Шатилову содержалось предписание «в Калуге на посаде про тех ево княж Ондреевых крестьян и вдов, которые в сей нашей грамоте имяны писаны» сыскать «всякими сыски накрепко: архимариты и игумены и протопопы и попы и дьяконы по священству, а дворяны и детьми боярскими и посадскими всякими людьми по нашему крестному целованью: те крестьяне, которые в нашей грамоте имяны писаны, преж сего за кем жили, и сколько лет у ково жили наперед тово, и в Калугу на посад сколь давно и из-за ково пришли, и за князь Ондреем наперед сего они жили ль, да хто что про то в обыску скажет, и вы б тех обыскных людей имена и речи велели написати на список земскому или церковному дьячку подлинно порознь, да к тому обыскному списку тем обыскным людям, которые грамоте умеют, велели руку свою приложить, а которые обыскные люди грамоте не умеют, и в тех обыскных людей место отцы их духовные руку свою приложили... и обыскной список прислали к нам к Москве»¹².

Описанный метод доказательства владельческой принадлежности беглых крестьян был традиционным со времени указа о заповедных годах и применялся вплоть до 1650-х гг. Столь же традиционными и неопределенными были критерии, по которым крестьяне подлежали возврату. «Да будет в обыску обыскные люди скажут, что те крестьяне старинные князя Ондreja Ситцково, и в Калугу на посад вышли из ево вотчины ис сельца Нефедова с деревнями в нынешнее разоренье, и вы б тех крестьян князя Ондreja велели отдать во крестьяне по прежнему, и никаких податей с них в ряд с посадскими людьми имать не велели»¹³. Выражение «старинные крестьяне» еще не стало к 1613 г. устоявшимся в приказной документации, хотя близкие по смыслу выражения «старые тяглецы», «истари троетцкий», «искони вечные» использовались в документах второй половины XVI в.¹⁴

Второе по хронологии дело о беглых крестьянах было инициировано властями Новодевичьего монастыря в августе 1613 г. Игуменья Марья с сестрами жаловались на то, что из подмонастырской слободки «от московского разоренья» вышли восемь крестьян, один из которых ушел в посад Владимира, а остальные – в Калугу. В челобитной содержалась просьба сыскать крестьян и «посадить под монастырем в слободке на старые их места». 31 августа по двум челобитным были даны распоряжения дьяку Владимирской четверти Г. Витовтову «тех крестьян сыскав, отдать их монастырским слугам и прислать их к Москве с порукою»¹⁵. Указные грамоты воеводам были даны с промежутком в четыре месяца: в Калугу А. Г. Долгорукову 12 сентября 1613 г., а во Владимир В. А. Киреевскому лишь в январе 1614 г. Грамоты содержали стандартные распоряжения произвести на посадах сыск «всякими людьми» и «за поруками... велети им явитися в Володимирскую четверть к дьяку к Григорью Витофтову»¹⁶. Санкция указных грамот в данном случае существенно отличается от предписаний о старинных крестьянах

¹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 24. № 37537. Л. 1–2.

¹³ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 24. № 37537. Л. 3 об. – 4.

¹⁴ Дьяконов М. А. Сельское население Московского государства в XVI–XVII вв. СПб., 1898. С. 24–26.

¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 24. № 37570. Л. 1–1 об.; № 37571. Л. 1.

¹⁶ Там же. № 37592. Л. 1–2.

князя Сицкого. Казалось бы, это связано с неконкретным изложением обстоятельств дела в челобитных «сестер», которые не заявили о «старине» их крестьян, а также о времени их побега.

Однако даже иначе составленная челобитная калужского помещика В. С. Износкова, который заявил, что в 118 году (1609/10 г.) из его поместья вышли в Калугу на посад 11 крестьян «с женами и с детьми и со всеми животы и статки», привела к такому же результату. В ответ на просьбу помещика «крестьян с посаду мне отдать» в царской указной грамоте воеводе А. Г. Долгорукову от 20 сентября 1613 г. содержалось предписание провести обыск, выяснив, жили ли поименованные в челобитной крестьяне за В. С. Износковым. Надлежало также узнать, в каком году крестьяне «из-за Василья вышли в Калугу, и с калужскими с посадскими людьми подати всякие платят ли»¹⁷. Санкция указной грамоты была аналогичной постановлению о крестьянах Новодевичьего монастыря: «Да будет в обыску скажут, что Гришка Офонасьев с товарищи, которые в сей нашей грамоте имяны писаны, за Васильем Износковым во крестьянех жили, и из-за него вышли в Калугу на посад в прошлом во 118 году, и с калужскими с посадскими людьми податей не плачивали, и вы б их вывели и подавали на поруки с записями, и за поруками их к нам прислали в Володимерскую четверть к дьяку нашему Григорью Витовтову»¹⁸.

Четвертое дело о беглых возникло по челобитной кн. И. Голицына, поданной до 6 октября 1613 г. Этот дедиловский помещик владел селом Долгим с деревнями, откуда в 120 (1611/12) г. вышли 7 крестьян, перешедших к четырем помещикам Тульского и Соловского уездов. В указной грамоте на Тулу осадному голове И. В. Зыбину содержалось распоряжение: провести обыск в Тульском и Дедиловском уездах, в ходе которого выяснить, жили ли крестьяне в поместье Голицына и как давно от него сбежали. В случае, если версия о бегстве крестьян подтвердится, в грамоте предписывалось «взяв с собою понятых ис деревень попов и дьяконов и старост и целовальников и крестьян добрых, сколько человек пригоже, да их, тех крестьян, которые в сей нашей грамоте имени писаны... вывел и посадил их за князем Иваном Голицыным в том же поместье в сельце Долгом на старых их дворах, где хто жил наперед того...»¹⁹.

От пятого дела о беглых сохранилась лишь челобитная с краткой резолюцией дьяка С. Самсонова, но содержание челобитной чрезвычайно важно для понимания закрепостительных процессов в начале XVII в. Веневский помещик В. Туренин, владелец д. Свиридово с пустошами, положенной в 200 четей, заявлял о насильственном вывозе его крестьян приказчиком боярина Черкасского. «...В нынешнем... во 122 году ис той моей поместной деревеньки Свиридова вывозит крестьянишек моих насильством твоего государева боярина князя Ивана Борисовича Черкасского с Серебряных Прудов приказщик Чужой: Федьку Подпоякина да Третьяка Халтуру, а те... крестьяне старинные мои и родились за мною, холопом твоим, и деды их и отцы их жили за мною, холопом твоим, во крестьянех. А тот князь Иванов приказщик Борисовича Черкасского Чужой вывозит тех моих крестьянишек насильством потому, что те мои крестьянишка пожил в лихолетье на Серебряных Прудах в суседах с пол-год и тому лет з двенадцать».

Просьба Туренина не вывозить крестьян была удовлетворена после рассмотрения дела в приказе, что отразилось в резолюции дьяка: «122 октября в 20 день

¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 24. № 37600. Л. 1–3.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же. № 37624. Л. 1–3.

государь, царь и великий князь Михаил Федорович всяя Руси пожаловал, велел ему дать грамоту, и тех крестьян вывозити из-за него до тех мест, покаместа с службы приедет, не велеть вывозить»²⁰. Эта челобитная характеризуется определенной недоговоренностью по ряду позиций. Во-первых, не вполне понятно: временный, до возвращения истца со службы, или постоянный характер носит резолюция дьяка. Во-вторых, очевидно, что В. Туренин не сказал в челобитной всей правды. «Лихолетье» за 12 лет до 1613 г., это, разумеется, голод 1601 г. В каком бы качестве ни жили крестьяне Туренина в вотчине Черкасского – подсоседников, или тяглых крестьян – они могли быть вывезены Черкасским в суматохе, вызванной указом Б. Годунова, изданным не позднее 28 ноября 1601 г. о разрешении вывоза крестьян.

И в-третьих, указ, как известно, содержал существенные ограничения для столичных дворян, «за» и «из-за» которых крестьян в 1601 г. возить не разрешалось. В перечень чинов столичных дворян попадали и дворяне большие, или московские, к которым в 1601 г. принадлежал Борис Кайбулатович Черкасский, отец Ивана Борисовича и владелец Серебряных прудов в годы великого голода²¹. Итак, крестьяне Туренина были вывезены Черкасскими в нарушение указа 1601 г., после чего вернулись к прежнему помещику. В обстоятельствах того времени Черкасские представили свой незаконный вывоз как милость, прокормление в голодные годы путем подселения чужих крестьян в качестве подсоседников к своим. Именно память о былом проживании крестьян в Серебряных Прудах подтолкнула приказчика, видимо, получившего задание от вотчинника, вернуть прежних жильцов спустя 12 лет. Нахождение челобитчика на службе отсрочило вынесение судебного решения, но можно не сомневаться, что оно было вынесено в пользу Туренина.

Введенные в научный оборот дела о беглых, при всей их фрагментарности, дают в руки исследователей определенную сумму наблюдений, нуждающихся в интерпретации. Первое и самое важное наблюдение состоит в том, что методы сыска и идентификации беглых крестьян остались теми же, что использовались еще в 1580-х гг. в период издания указов о заповедных годах. Основная форма этого метода – повальный обыск – использовался еще ранее, во время обысков о запустевших землях в новгородских пятинах, и в судах общей юрисдикции. В ходе повального обыска земским или церковным дьячком составлялся протокол, данные которого использовались приказным дьяком для издания указной грамоты или, при необходимости, в суде. Последняя возможность всегда подразумевалась приказными, о чем свидетельствует их ремарка в указной грамоте от 4 октября 1613 г. по поводу челобитья И. Голицына: «...а будет в тех крестьянех каков спор учинитца, и ты б о том отписал к нам к Москве»²².

Второе наблюдение обнаруживает острейший парадокс, который еще в 1970-х гг. был камнем преткновения в спорах Г. Н. Анпилогова с В. И. Корецким. В четырех из пяти дел, по которым были приняты положительные, удовлетворяющие просьбы землевладельцев о возвращении беглых решения, срок бегства крестьян не превышал пяти лет. Из последнего же, пятого дела ясно, что землевладельцы могли попытаться вернуть крестьян, некогда живших у них, и за 12 лет. Нарушение закона отцом инициатора вывоза И. Б. Черкасского не позволяет проверить, могло ли правительство распорядиться вернуть крестьян 12 лет спустя, но для

²⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 24. № 37631. Л. 1.

²¹ ЗАРГ. Тексты. № 50. С. 70; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 115.

²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 24. № 37624. Л. 3.

нас важно другое соображение. Челобитчик И. Туренин аргументировал свою просьбу не превышением указного срока, а тем, что его крестьяне в 1601 г. жили в вотчине Черкасского не на тягле, а в подсоседниках. Таким образом, содержание пяти изученных дел о беглых за апрель – октябрь 1613 г. убеждает, что норма об урочных годах в виде пятилетнего срока в 1613 г. не использовалась. Двенадцатилетний срок чрезвычайно близок пятнадцатилетнему сроку сыска, фигурирующему в «Уложении» Василия Шуйского 9 марта 1607 г.²³ Автор этих строк, однако, убежден, что это «уложение» является плодом реконструкции В. Н. Татищева, объединившего в составе документа подлинный царский указ в Чердынь о сыске черносошных крестьян, указ об «урочных годах» 1597 г. и собственные представления о крепостном праве²⁴.

Значит ли это, что в начале XVII в. имел место бессрочный сыск беглых крестьян в том смысле, как об этом писал Г. Н. Анпилов, т.е. возникший вследствие прикрепления крестьян совокупностью крепостных документов в период реализации указов о заповедных годах? Г. Н. Анпилов, как известно, считал, что бессрочный сыск был подтвержден в дальнейшем указами 1597 и 1607 гг., отсчитывавшими давность на будущее время с 1592 г.²⁵ Судя по изученным документам, именно такая постановка вопроса является наиболее достоверной. Но приказные, судя по делам о беглых 1613 г., руководствовались в первую очередь концептом, более ста лет назад изученным М. А. Дьяконовым, но с тех пор незаслуженно отодвинутым на периферию проблемы²⁶. Речь идет о понятии «старинны» и «старых дворов», на которые было нужно возвращать беглых крестьян.

Крепостной порядок в начале XVII в., видимо, восстанавливался именно на основе этого концепта, понимаемого не вполне определенно. Если удавалось доказать, что на «старых дворах» жили еще отцы и деды нынешних крестьян, это служило неоспоримым аргументом. Однако в условиях массового перемещения населения во времена Смуты этот аргумент использовался далеко не всегда. Землевладельцы, как правило, тоже искали крестьян, ушедших в «последнее разорение», чьи следы еще можно было найти. Этим, видимо, объясняется, что сроки бегства крестьян в большинстве представленных в данной статье дел не превышают пяти лет.

Закрепостительная политика правительства в эпоху Смуты была мало успешна прежде всего, по причине деградации государственного аппарата, вплоть до полного его умирания в 1611/12 г. Существенное значение имели также длившееся годами отсутствие вотчинников и помещиков в деревне и даже в Москве, и активная пропаганда казачьего образа жизни в районах, подвергавшихся нападениям самозванцев и подчиненных им отрядов. Тем не менее, землевладельцы упорно стремились получить ввозные грамоты на свои владения в любом властном центре, безотносительно к его возможностям добиться выполнения распоряжения. Об этом свидетельствуют послушные грамоты, выдававшиеся руководителями Первого ополчения²⁷. Однако ущербные формы правительственной практики компенсировались опорой на «старину», придававшей законность первым постановлениям правительства Романовых.

²³ ЗАРГ. Тексты. № 57. С. 75–76.

²⁴ Аракчеев В. А. Соборное уложение 9 марта 1607 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 98–114.

²⁵ Анпилов Г. Н. К вопросу о законе... С. 170.

²⁶ Дьяконов М. А. Сельское население Московского государства в XVI–XVII вв. СПб., 1898. С. 20–30.

²⁷ АСЗ. М., 2008. Т. 4. № 138. С. 102; № 184. С. 140; № 258. С. 192; № 478. С. 351.